

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-5-14

ДИСКУРСИВНАЯ СИЛА КАК РЕСУРС ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ РОССИИ

В. И. Пантин, М. И. Сигачёв

Пантин Владимир Игоревич,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова,
РАН, Москва, Российская Федерация.

Сигачёв Максим Игоревич,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова,
РАН, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу ценностно-политических проектов как инструментов идейно-политического влияния глобальных центров силы современного мира. Показано, что использование политических дискурсов и дискурсивной силы призвано формировать привлекательный образ данного центра силы, задавать определенные трактовки понятий, язык, формулировки и смыслы описываемых реалий во внутренней политике и в международных отношениях. Охарактеризованы основные положения ценностно-политических проектов США, Китая, Европейского союза (ЕС), Индии, определены направления использования дискурсивной силы для укрепления их внутривнутриполитического и международного влияния. Показано, что в основе ценностно-политических проектов, продвигаемых США, Китаем, странами ЕС, Индией, лежат культурно-цивилизационные особенности каждого из этих центров силы. Сформулированы основные составляющие ценностно-политического проекта России, отвечающие на глобальные вызовы современного мира: 1) концепция формирования полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка; 2) идея развития России как государства-цивилизации с надэтнической государственно-гражданской и цивилизационной идентичностью; 3) ориентация на суверенное развитие; 4) концепция дополняющего взаимодействия традиционных и инновационных ценностей. Сделан вывод о том, что перечисленные составляющие российского проекта могут сочетаться с проектами Китая и Индии в рамках дискурса и практики цивилизационного интегрализма.

Ключевые слова: центр силы; дискурсивная сила; ценностно-политический проект; суверенное развитие; цивилизационный интегрализм; Россия; США; Китай; ЕС; Индия

Для цитирования: Пантин, В. И., Сигачёв, М. И. (2026) 'Дискурсивная сила как ресурс идейно-политического влияния России', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 5-14. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-5-14

Финансовая поддержка: Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

DISCURSIVE POWER AS A RESOURCE OF RUSSIA'S IDEOLOGICAL AND POLITICAL INFLUENCE

V. I. Pantin, M. I. Sigachev

Vladimir I. Pantin,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Maksim I. Sigachev,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article offers a comparative analysis of values-oriented political projects as instruments of ideological and political influence employed by leading global powers. It shows how political discourses and discursive power shape attractive images of these centers and establish specific interpretations of concepts, language, and meanings through which actors describe social realities in domestic and international contexts. The author examines the core elements of the values-oriented political projects of the US, China, the EU, and India, identifying how these actors use discursive power to enhance their domestic and international influence. The analysis demonstrates that the values-oriented political projects advanced by the US, China, the EU, and India rest on each center's distinct cultural and civilizational foundations. Moreover, the core components of Russia's values-oriented political project are a response to the global challenges of the present era. These components include: (1) a polycentric, multi-civilizational world order; (2) Russia's development as a state-civilization based on a supra-ethnic civic identity; (3) a commitment to sovereign development; and (4) complementary interaction between traditional and innovative values. The article argues that these elements of the Russian project enable substantive compatibility with those advanced by China and India within the conceptual and practical framework of civilizational integralism.

Keywords: centre of power; discursive power; values-oriented political project; sovereign development; civilizational integralism; Russia; United States; China; European Union; India

For citation: Pantin, V. I., Sigachev, M. I. (2026) 'Discursive power as a resource of Russia's ideological and political influence', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 5-14. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-5-14

Funding: The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Понятие «центр силы» и его значение для политической науки

Широкое использование понятия «центр силы» в политических исследованиях связано с тем, что среди множества национально-территориальных государственных образований и политических общностей далеко не все обладают политической и экономической субъектностью, реальным суверенитетом и ресурсной базой, необходимыми для того, чтобы обеспечивать собственное динамичное развитие и влиять на баланс сил в международной системе. В то же время именно субъектность во внутренней и мировой политике, реальный суверенитет и эффективное использование материальных и нематериальных ресурсов для усиления своего влияния являются отличительными чертами глобального или регионального центра силы. Отсюда вытекают особая роль центров силы как субъектов внутренней и международной политики и значимость понятия «центр силы» для политической науки.

В политической науке и в исследованиях международных отношений существуют различные трактовки понятия «центр силы» (см., например, Лукин, 1983; Ozsaglam, 2019; Лапкин, Пантин, 2004: 28–39; Горбунова, Комаров, 2020). В данной работе используется следующее определение: «Центр силы – это политико-социальное образование государственной или надгосударственной (трансграничной, межрегиональной или экстратерриториальной) природы, являющееся субъектом мировой

политики (на глобальном или региональном уровне), располагающее значительной автономной ресурсной и научно-технологической базой, обладающее экономической субъектностью и оказывающее формирующее воздействие на мировой или региональный порядок, на продвижение культурных образцов и ориентиров социального, экономического и политического развития» (Семененко, Лапкин, Пантин, 2025: 122).

К числу глобальных центров силы, оказывающих определяющее влияние на международное развитие и обладающих собственной динамично растущей ресурсной и научно-технологической базой, в настоящее время можно отнести США, Китай, Россию и новый «восходящий» центр силы – Индию. ЕС, несмотря на многочисленные внутренние кризисы и уменьшение его роли в мировой политике и экономике, пытается сохранить свое глобальное влияние, обусловленное связями с бывшими колониями и проведением неоколониального курса. Хотя эти глобальные центры силы обладают разной политической динамикой и различным весом в мировой политике и экономике, все они имеют собственную научную, технологическую и ресурсную базу, позволяющую им мобилизовать значительные ресурсы и влиять на политическое развитие других стран. Более того, каждый из глобальных центров силы способен формировать те или иные межрегиональные коалиции и объединения, например: НАТО, БРИКС, ШОС, ОДКБ.

При этом важно заметить, что каждый из перечисленных глобальных центров силы представляет собой не только политическое или экономическое, но и определенное культурно-цивилизационное образование со своей системой базовых ценностей и социальных институтов. Таким образом, глобальные центры силы являются не просто государствами, а государствами-цивилизациями или наднациональными цивилизационными образованиями, представляющими ту или иную культурно-цивилизационную общность, будь то североамериканская, китайская, западноевропейская, российская или индийская локальная цивилизация. Иными словами, каждый глобальный центр силы опирается на собственную культурно-цивилизационную, ценностную и институциональную основу, определяющую его лидерские позиции, субъектность и роль в мировой политике.

К числу региональных центров силы, оказывающих существенное воздействие на развитие определенного региона мира, можно отнести Австралию, Бразилию, Иран, Саудовскую Аравию, Турцию, ЮАР. Региональные центры силы, как правило, не располагают собственной научно-технологической базой, критически зависят от импорта новейших технологий и вооружений, а их ресурсная база ограничена. В то же время региональные центры силы при определенных условиях могут влиять на баланс сил в мире, особенно если они кооперируются с тем или иным глобальным центром силы, участвуя в различных военно-политических коалициях и международных объединениях.

Ценностно-политические проекты глобальных центров силы

В условиях происходящих глобальных изменений, связанных с переходом к новому полицентричному мировому порядку, наблюдается острая конкуренция и борьба за лидерство между различными центрами силы. При этом важную роль в этой конкуренции играет укрепление дискурсивной силы – значимого ресурса идейно-политического и информационного влияния данного государства во внутриполитической и международной сферах.

Дискурсивная сила представляет собой способность «влиять на мировой политико-экономический порядок и ценности, определять международную повестку и тем самым приобретать большую экономическую, информационную и геополитическую мощь, играть ведущую роль в глобальном управлении» (Лексютина, Юаньцзе, 2023: 369). Дискурсивная сила государства реализуется через трансляцию за пределы национальных границ своей ценностно-политической, информационной и идейной повестки, политических и культурных дискурсов, которые призваны влиять на внутриполитическое и международное развитие. Политические и культурные дискурсы формируют привлекательный образ данного центра силы, задают определенные трактовки, язык, формулировки и смыслы описываемых реалий и предлагают другим странам пути и способы развития в русле заданной центром силы динамики, обеспечивая тем самым реализацию его внутренней и внешней политики.

Сравнительный анализ инструментов и ресурсов укрепления дискурсивной силы ведущих держав показывает, что ее ключевыми инструментами являются *ценностно-политические проекты*, продвигаемые этими центрами силы (Семененко, Лапкин, Пантин, 2025: 122). Значимость ценностно-политических проектов определяется тем, что они нацелены на реализацию конкретных политических

целей; эти проекты задают ключевые направления и ориентиры развития данного центра силы, мобилизации его ресурсов для достижения поставленных целей и усиления его влияния на формирование/изменение мироустройства. При этом ценностно-политические проекты, как правило, опираются на идейно-политические традиции и культурно-цивилизационные основания, присущие данному центру силы, но являются по форме универсальными и глобальными.

Так, для продвигаемых США ценностно-политических проектов на всем протяжении развития североамериканского государства характерны утверждения об «исключительности», «уникальности» и «избранности» американской нации, ее особой мессианской роли в управлении развитием мира, об «универсальности» американских ценностей и интересов. Подобные черты ценностно-политических проектов США, в том числе транслируемая вовне убежденность американской политической и культурной элиты в своем праве управлять миром и диктовать ему образцы поведения, имеют не только политические, но и религиозные (радикально-протестантские) основания (Шлезингер, 1992: 30–33). Эти основы американской политики во многом связаны с особым генезисом и развитием североамериканской цивилизации (или североамериканской ветви западной цивилизации).

Постоянные обращения к теме «избранности» Америки и американской нации были характерны практически для всех сменявших друг друга президентов США в XX в. и в первой четверти XXI в., будь то В. Вильсон, Ф. Д. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Р. Рейган, Дж. Буш-старший, У. Клинтон, Дж. Буш-младший, Б. Обама, Дж. Байден, Д. Трамп. Такое постоянство в использовании дискурсивной силы свидетельствует о преемственности внутренней и внешней политики США, несмотря на все расколы и ценностные противостояния в американской элите и американском обществе. Эту преемственность следует иметь в виду российским политикам и не питать иллюзий по поводу упомянутых расколов и противостояний, не рассчитывать на то, что глобалистская и экспансионистская внешняя политика США может существенно измениться при приходе к власти очередного президента. Меняются главным образом риторика и внешняя форма американского ценностно-политического проекта, но не сами его культурно-цивилизационные основания.

При этом в рамках единого, по существу, ценностно-политического проекта США существует своеобразный «конвейер идей», который обеспечивается многочисленными «мозговыми центрами», работающими на сменяющие друг друга американские администрации (Павлов, 2024). Этот «конвейер идей» призван подчеркнуть новации, привносимые каждой новой администрацией США и адаптировать американскую внутреннюю и внешнюю политику к меняющимся условиям. Отсюда сменяющие друг друга декларации о США как о главном защитнике прав человека при Дж. Картере и Р. Рейгане, о «глобальной демократической революции» во главе с США при Дж. Буше-младшем, о противостоянии демократии и авторитаризма при Дж. Байдене, о том, чтобы «сделать Америку снова великой» (Make America Great Again, MAGA), при Д. Трампе.

Эти культурно-цивилизационные особенности американского проекта получили развитие в новой Стратегии национальной безопасности США (ноябрь 2025 г.), разработанной администрацией Д. Трампа во время его второго президентского срока и ставшей основой его внутренней и внешней политики. В ней, в частности, содержатся многочисленные утверждения об Америке как о «прибежище свободы на Земле», о «непревзойденной мягкой силе и о благотворном культурном влиянии» Америки, с помощью которой она «оказывает позитивное влияние на весь мир», о США как о «защитнике коренных прав и свобод», о «пионерном духе Америки как ключевой опоре ее экономического доминирования в мире»¹. Иными словами, Стратегия национальной безопасности США 2025 г., несмотря на определенные новшества, является продолжением глобального американского ценностно-политического проекта и одновременно важным инструментом его реализации.

В то же время современный Китай активно использует в своей политике концепцию дискурсивной силы и интенсивно продвигает свой альтернативный по отношению к американскому ценностно-политический проект, который имеет множество составляющих и измерений (Лексютина, Юаньцзе, 2023: 374). Этот проект, или целый ряд проектов, имеет глобальный характер и рассчитан на дальнейшее развитие Китая как глобального центра силы. Экономическая и культурная составляющие китайского проекта воплощены в разработке и реализации инициативы «Пояс и путь», которая призвана стать полем взаимодействия разных стран и культур. Международная политическая и социальная составляющие воплощены в китайских концепциях «сообщества единой судьбы человечества» и «Азиатско-Тихоокеанской мечты», а внутривластная составляющая – в «китайской мечте о великом

¹ National Security Strategy of the United States of America. November 2025 [online]. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 25.01.2026).

возрождении нации» и в концепции «народной демократии полного процесса». Последняя концепция призвана стать альтернативой по отношению к западной модели демократии и рассчитана на использование во внутренней и внешней политике КНР. Различные составляющие дискурсивной силы современного Китая соединены в «четырёх глобальных инициативах» китайского руководства (поддержка мирового экономического развития, обеспечение глобальной безопасности, равноправное общение между цивилизациями, реформирование институтов глобального управления).

ЕС в своем ценностно-политическом проекте оперирует образами и терминами «европейской семьи народов», «европейских либеральных ценностей», Европы как «цветущего сада» (выражение бывшего главы дипломатии ЕС Ж. Борреля), «родины демократии» и т.п. За этими широко тиражируемыми образами, однако, стоит односторонняя интерпретация европейской и мировой истории, игнорирование того факта, что доминирование европейских государств в XVIII – первой половине XX в. во многом было связано с захватом колоний, грабежом и эксплуатацией поработанных народов, а также того, что именно Европа стала источником и главной ареной двух мировых войн.

В первые десятилетия XXI в. ЕС в продвигаемом им ценностно-политическом проекте позиционирует себя также как лидера борьбы за экологию, как главного проводника «зеленой политики» и «зеленой повестки» мирового развития, перехода на безуглеродную экономику ради борьбы с глобальным потеплением (Jordan, 2021). Несмотря на растущую критику «зеленого курса», который приводит к деиндустриализации ряда стран ЕС и к обострению социальных проблем, руководство ЕС продолжает продвигать «зеленую повестку» как ключевое направление развития не только Европы, но и всего мира. Кроме того, Евросоюз в целях отвлечения внимания от растущих внутрисполитических проблем, для расширения своего влияния на постсоветском пространстве и в других регионах мира представляет себя как главного защитника «демократических ценностей», противостоящего мнимой «российской угрозе».

Индия, претендующая на роль нового «восходящего» глобального центра силы, в своем ценностно-политическом проекте использует целый ряд принципов. Среди них – «многовекторность» и «множественность союзов» (multi-alignment), ненасилие и мирное разрешение споров между людьми и государствами, традиционные индийские ценности толерантности, неприсоединения, единства в многообразии, «мира как одной семьи» (Никитин, 2025: 123–124). В то же время Индия позиционирует себя как лидера Глобального Юга и как бурно развивающуюся древнюю цивилизацию на основе преемственности и сохранения религиозной основы индуизма. Важно отметить, что индийский ценностно-политический проект апеллирует к этическим принципам и нормам во внутренней и международной политике, включая ценности плюрализма, уважения внутреннего мира человека, признания «особости» разных стран и цивилизаций.

Российский ценностно-политический проект: основные направления и составляющие

На основе сравнительного анализа ценностно-политических проектов разных центров силы, нацеленных на усиление их идейно-информационного влияния в мире, можно выделить потенциальные направления укрепления идейно-политических позиций России как центра силы и возможные составляющие российского ценностно-политического проекта. К числу этих составляющих, которые способны дать адекватные ответы на возникающие международные и внутренние вызовы, можно отнести следующие идейно-политические концепции:

1. Концепция формирования полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка в противоположность однополярному западцентричному мироустройству. В современном мире происходит сложный и нелинейный процесс перехода к мировому порядку, основанному на взаимодействии разных центров силы, центров социально-политического и экономического развития, разных цивилизационных образований. Россия вместе с Китаем, Индией, другими странами БРИКС+ играет в этом процессе принципиально значимую роль, которая определяется ее геополитическим и геоэкономическим положением, ее исторически сложившимися связями со странами Запада и Востока, ее природными ресурсами и военно-технологическим потенциалом.

2. Концепция России как государства-цивилизации с огромной территорией и наличием множества природных ландшафтов, особой историей и культурой, надэтнической государственно-гражданской и цивилизационной идентичностью, многовековыми традициями мирного сосуществования разных этносов и конфессий, которое обеспечивает единство в многообразии. При этом важно

отметить, что государственно-гражданская и цивилизационная идентичность в России не игнорирует этническую, региональную и локальную составляющие идентичности, а надстраивается над ними, обеспечивая необходимое для динамичного политического и экономического развития социальное и культурное разнообразие. В настоящее время концепция развития России как особого государства-цивилизации разработана недостаточно, но она интенсивно исследуется в целом ряде работ (Спиридонова и др., 2016; Данильченко, 2023).

3. Ориентация на суверенное развитие российского и других обществ, уважение к суверенитету других государств, активное противодействие любым формам неокOLONиализма и зависимого развития. В настоящее время проблемы формирования и достижения реального технологического, экономического, политического, социального, культурного, информационного и военно-политического суверенитета играют ключевую роль не только для России, но и для других государств. Особенно важным достижение реального суверенитета и переход к суверенному развитию является для стран БРИКС+, с которыми Россия интенсивно взаимодействует в экономическом, политическом и культурном плане. При этом в плане технологического, культурного и информационного суверенитета РФ может немало заимствовать из опыта Китая, Индии, некоторых стран АСЕАН.

4. Концепция соединения и дополняющего взаимодействия традиционных и инновационных ценностей, адресованная не только внутрироссийской аудитории, но и гражданам других, в том числе западных, стран, являющихся сторонниками сохранения традиционных ценностей и их сочетания с инновационными ценностями. В современном мире сочетание традиций и инноваций, традиционных и инновационных ценностей и институтов (в частности, сохранения института традиционной семьи и семейных отношений, нравственных и религиозных ценностей, преемственности поколений, продуктивного, а не разрушительного в социальном и нравственном отношении использования новейших технологий) является необходимым условием динамичного экономического, социального и политического развития любого общества и государства. При этом инновации, как показывает опыт КНР, Индии, стран АСЕАН и других динамично развивающихся государств, могут обеспечивать эффективное и долговременное социально-политическое развитие только при опоре на прочные традиционные институты и ценности.

Там, где происходит нарушение баланса традиционных и инновационных ценностей, соединения жизненно важных для сохранения социума традиций и необходимых для его развития инноваций, рано или поздно возникают глубокие социальные и внутривполитические кризисы, происходят обусловленные различными, нередко противоположными ценностными ориентациями политические противостояния. Об этом свидетельствуют, в частности, социальные кризисы в странах ЕС, ценностные расколы и внутривполитические конфликты в США, в немалой степени вызванные попытками разрушить традиционные христианские ценности, а также использованием технологических и социальных инноваций для манипулирования сознанием, массового производства дезинформации и различных фейков. В то же время игнорирование необходимых инноваций политической, экономической и культурной элитой чревато автаркией, отставанием, возникновением внутренних кризисов и межпоколенческих конфликтов.

Все перечисленные составляющие ценностно-политического проекта России, несмотря на то что они по-разному актуализированы в общественном сознании, разрабатываются разными авторами и нередко представляются различными ведомствами, на глубинном культурно-цивилизационном уровне являются взаимосвязанными. Они отражают разные векторы единой политической динамики России и усиления ее идейно-политического влияния в мире. Так, принципиально важное участие России в формировании нового полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка определяет ее роль в международном политическом развитии. Образ и концепт России как государства-цивилизации, обладающего собственной цивилизационной идентичностью и суверенитетом, формирует политическую, экономическую и культурную субъектность, позволяющую РФ выступать с различными инициативами, направленными на равноправное взаимодействие разных стран, народов и цивилизаций.

Точно так же соединение традиционных и инновационных ценностей, традиций и инноваций необходимо как для сохранения стабильности в российском обществе и преемственности его развития, так и для преодоления различных ценностных противоречий и конфликтов во внутренней и международной политике. Учитывая трагический опыт политических событий в России в 1917 г. и 1991 г., сопровождавшихся распадом государства и гражданскими конфликтами, проблема баланса традиций и

инноваций является для современного российского общества крайне значимой. Чтобы подобные катастрофические события не повторились, важно не допускать глубоких ценностных и политических расколов в обществе, творчески сочетать традиции и инновации, адаптировать опыт развития других государств к современным российским и международным условиям.

В то же время сочетание традиций и инноваций, традиционных и инновационных ценностей является важнейшим условием развития не только России, но и многих государств Востока, Запада и Глобального Юга. Без такого сочетания эти государства обречены либо на отставание и деградацию, либо на социальную и внутривнутриполитическую дестабилизацию. Поэтому данная проблема, представленная в российском ценностно-политическом проекте, является общемировой, глобальной, и российское государство на собственном примере сосуществования разных традиционных конфессий и культур, взаимодействия традиций и инноваций в определенной мере задает вектор развития других государств и цивилизаций.

Тем не менее основной, до конца не решенной проблемой формирования целостного ценностно-политического проекта РФ является интеграция, органичное соединение всех перечисленных его составляющих в единое целое. Как представляется, интегрирующим началом в данном случае может послужить дальнейшая разработка и продвижение концепции и практики межкультурного взаимодействия, цивилизационного интегрализма. Цивилизационный интегрализм в общем виде представляет собой философско-политическую концепцию, утверждающую необходимость дополняющего и взаимовыгодного взаимодействия различных цивилизаций через интеграцию и синтез их культурных, социальных, экономических и технологических оснований и элементов. При этом цивилизационный интегрализм, в отличие от неолиберального или неоконсервативного глобализма, учитывает специфику, уникальные традиции и особенности каждой цивилизации.

Концепция цивилизационного интегрализма ориентирует международное развитие на формирование многосторонних механизмов взаимодействия между государствами, принадлежащими к разным цивилизациям, для преодоления многочисленных глобальных вызовов (экологических, технологических, социальных, продовольственных, энергетических, вызовов для системы здравоохранения и образования) при сохранении уникальности каждой цивилизации. «Основой цивилизационного интегрализма является идея взаимодополняемости: вместо конфронтации или изоляции акцент делается на интеграцию в рамках общих институтов, ценностей или проектов, которые не нивелируют идентичность участников, а усиливают их через кооперацию. Эта концепция может включать формирование многоуровневых структур (локальных, региональных, глобальных), гибко сочетающих универсальные принципы с культурным многообразием» (Камкин, Сигаев и др., 2025: 582).

Можно полагать, что концепция цивилизационного интегрализма способна не только соединить различные направления и составляющие российского ценностно-политического проекта, но и послужить своего рода связующим звеном между ценностно-политическими проектами Китая, Индии и России. Разумеется, различия и противоречия между китайским и индийским ценностно-политическими проектами при этом не исчезнут, поскольку Китай и Индия по ряду вопросов международной повестки занимают разные, иногда противоположные позиции (Никитин, 2025: 127). Тем не менее российский ценностно-политический проект, основанный на равноправном развитии сохраняющих свою уникальность и самостоятельность цивилизаций, способен сгладить разногласия между Китаем и Индией, стимулировать поиски новых областей продуктивного взаимодействия Китая, Индии и России.

Что касается ценностно-политических проектов США и стран ЕС, то в силу их претензий на исключительное доминирование в мире включить эти проекты в рамки концепции и практики цивилизационного интегрализма гораздо сложнее. Тем не менее это возможно в случае более реалистичной и менее идеологизированной оценки политическими и культурными элитами западных стран своей действительной роли в современном мире. Такая более реалистичная оценка, учитывающая перспективу усиления экономического, политического и культурного влияния незападных центров силы, присутствует у отдельных западных экспертов, интеллектуалов и политиков. Однако пока что действительный политический реализм и трезвая оценка перспектив мирового развития проявляются в западном информационном и идейно-политическом пространстве лишь частично, фрагментарно, что препятствует признанию необходимости равноправного взаимодействия разных цивилизаций.

Укрепление идейно-политического влияния России: возможности и препятствия

Перспективы и возможности укрепления идейно-политического влияния России связаны с востребованностью в мире ориентации на суверенное развитие, с потребностью многих государств обрести реальный технологический, экономический, политический и культурный суверенитет, а также с необходимостью противодействовать многочисленным проявлениям неокOLONиальной политики. При этом тесное и равноправное взаимодействие государств, принадлежащих к разным цивилизациям, является важным условием реализации по-настоящему суверенного развития.

В современном мире проблемы социально-политического и экономического развития имеют ключевое значение для всех стран. Однако зависимое развитие во всех его формах, как показывает опыт многих стран Африки, Азии, Латинской Америки, а также опыт ряда постсоветских стран и даже некоторых стран ЕС, приводит эти государства к многочисленным кризисам и потрясениям – к долговому кризису, кризису социального государства, кризису системы образования и здравоохранения, к технологической и финансовой зависимости, к росту социальной и политической нестабильности. Поэтому именно акцент на суверенное, независимое развитие в сочетании с концепцией формирования полицентричного мирового порядка и многостороннего взаимодействия разных государств и цивилизаций (примерами такого взаимодействия являются БРИКС+ и ШОС) может сыграть решающую роль в усилении идейно-политического влияния России на страновом, региональном и глобальном уровне. При этом российский ценностно-политический проект, благодаря его нацеленности на суверенное развитие и взаимодействие разных цивилизаций, может сочетаться с рассмотренными выше китайским и индийским проектами, что придает ему одновременно особость, уникальность и более широкое, глобальное звучание.

В то же время на пути укрепления идейно-политического влияния России и продвижения российского ценностно-политического проекта существуют немалые препятствия. Важнейшим из таких является откровенно враждебная по отношению к РФ политика многих западных государств, попытки изолировать Россию в информационном, политическом, технологическом и экономическом плане, включая использование «культуры отмены» по отношению к России и широко распространившуюся на Западе практику переписывания и фальсификации истории, в том числе истории Второй мировой войны и послевоенного развития.

Кроме того, российские идейно-политические концепции и проекты слабо представлены в информационном, образовательном и научном пространстве многих государств Азии, Африки, Латинской Америки. В результате многие идеи, разработки и прогнозы российских специалистов по международным отношениям, экспертов и ученых остаются неизвестными в незападном мире, составляющем «мировое большинство».

Следует констатировать, что в настоящее время Россия по ряду показателей проигрывает ведущуюся против нее информационную войну, что связано как с объективными, так и с субъективными причинами. Объективные причины включают недостаток финансовых и технологических ресурсов, геополитические факторы и междцивилизационные барьеры. Однако существуют и субъективные факторы, препятствующие укреплению идейно-политического влияния России. К их числу относятся разобщенность действий разных ведомств при проведении информационной политики внутри страны и за рубежом, недостаточное практическое использование при принятии решений прогнозов российских научных и аналитических центров, разобщенность экспертного сообщества, не всегда адекватный учет культурно-цивилизационной специфики разных обществ, слабое внедрение собственных российских разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий и их качество (иногда невысокое), сохраняющаяся зависимость от зарубежных ИТ-корпораций.

Отсюда следует, что для укрепления идейно-политического влияния России и продвижения российского ценностно-политического проекта прежде всего необходимо преодоление ведомственной разобщенности. В связи с этим представляется целесообразной более тесная координация деятельности разных ведомств и экспертных структур, а также СМИ и других информационных ресурсов, занятых в сфере продвижения российских идейно-политических инициатив и проектов. Такая координация могла бы, по-видимому, осуществляться под эгидой единого курирующего органа, созданного при администрации президента РФ и/или при Совете безопасности РФ. Наряду с этим требуются также укрепление взаимодействия органов государственного управления с экспертными и аналитическими структурами, более активное использование органами государственной власти научных разработок и прогнозов.

Список литературы / References

- Горбунова, М. Л., Комаров, И. Д. (2020) 'Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира', *Сравнительная политика*, 11(3), сс. 57–74. [Gorbunova, M. L., Komarov, I. D. (2020) 'Leading Centers of Power in Supporting of Security in Non-Stable States', *Sravnitel'naya politika*, 11(3), pp. 57–74. (In Russ.)]. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10036.
- Данильченко, С. Л. (2023) *Российское государство-цивилизация: интегрирующие факторы и конфликтогенные противоречия*. Уфа: Аэтерна, 148 с. [Danilchenko, S. L. (2023) *Russian Civilization-State: the Integrative Factors and Conflict Contradictions*. Ufa: Aetherna, 148 p. (In Russ.)].
- Камкин, А. К., Сигачев, М. И., Харин, А. Н., Скакун, П. П. (2025) *Цивилизационный интеграл и мировое развитие*. Москва: Весь Мир, 608 с. [Kamkin, A. K., Sigachev, M. I., Harin, A. N., Skakun, P. P. (2025) *Civilizational Integralism and the World Development*. Moscow: Ves' Mir, 608 p. (In Russ.)].
- Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2004) *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история*. Москва: Олита, 280 с. [Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2004) *Geo-economic Politics and Global Political History*. Moscow: Olita, 280 p. (In Russ.)].
- Лексютина, Я. В., Юаньцзе, Ю. (2023) 'Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая', *Российско-китайские исследования*, 7(4), сс. 367–380 [Leksyutina, Ya. V., Yuanjie, Y. (2023) 'The Concept of International Discourse Power in China's Foreign Policy Ideology', *Rossyisko-kitaiskie issledovaniya*, 7(4), pp. 367–380 (In Russ.)]. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380.
- Лукин, В. (1983) *«Центры силы»: концепции и реальность*. Москва: Международные отношения, 252 с. [Lukin, V. (1983) *"Centers of Power": Concepts and Reality*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 252 p. (In Russ.)].
- Никитин, А. И. (2025) 'Глобальная держава будущего: обновление стратегических ориентиров Индии', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 118–133 [Nikitin, A. I. (2025) 'The Global Power of the Future: Renewal of Strategic Orientations of India', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 118–133 (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2025.01.09.
- Павлов, В. В. (2024) '«Конвейер идей» во внешней политике США и сопутствующая проблема доверия акторов международной системы', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 89–104 [Pavlov, V. V. (2024) 'Assembly Line for Ideas in US Foreign Policy and the Attendant Issue of International Relations Actors' Trust', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 89–104 (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.07.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2025) 'Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 112–134 [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2025) 'Centers of Power in World Politics: Diversifying Leadership Resources', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 112–134 (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2025.05.08.
- Спиридонова, В., Соколова, В., Шевченко, В. (2016) *Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ*. Москва: Институт философии РАН, 122 с. [Spiridonova, V., Sokolova, V., Shevchenko, V. (2016) *Russia as State-Civilization: Philosophical and Political Analysis*. Moscow: Institut filosofii RAN, 122 p. (In Russ.)].
- Шлезингер-младший, А. М. (1992) *Циклы американской истории*. Москва: Прогресс, 688 с. [Shlezinger-Jr., A. M. (1992) *Cycles of American History*. Moscow: Progress, 688 p. (In Russ.)].
- Jordan, A. (ed.) (2021) *Environmental Policy in the EU: Actors, Institutions and Processes*. 4th ed. London: Routledge.
- Ozsaglam, M. T. (2019) 'Complicated multipolar international relations system: Russia and China as new power centers', *Business and Economics Research Journal*, 10 (3), pp. 749–760.

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований.

E-mail: v.pantin@mail.ru (ORCID: [0000-0002-4218-4579](https://orcid.org/0000-0002-4218-4579). ResearcherID: K-5736-2017).

Сигачёв Максим Игоревич, кандидат политических наук, научный сотрудник.

E-mail: maxsig@mail.ru (ORCID: [0000-0001-7977-6888](https://orcid.org/0000-0001-7977-6888). ResearchID: AAO-7236-2021).

Information about authors

Vladimir I. Pantin, Doctor of Sciences (in Philosophy), Head of the Department of Comparative Political Studies.

E-mail: v.pantin@mail.ru (ORCID: [0000-0002-4218-4579](https://orcid.org/0000-0002-4218-4579). ResearcherID: K-5736-2017).

Maksim I. Sigachev, Candidate of Sciences (in Politics), Research Fellow.

E-mail: maxsig@mail.ru (ORCID: [0000-0001-7977-6888](https://orcid.org/0000-0001-7977-6888). ResearcherID: AAO-7236-2021).